

Николай Аносов как личность на пути к золотому успеху

Доклад о жизни Николая Аносова. О его судьбе и характере, знаковых встречах и личных переживаниях - того, что остается за кадром официальной истории. Материал полностью подготовлен на основе рукописного дневника. УДК 9

Коля родился в ноябре 1833 года на Урале, в патриархальном многодетном семействе. Отцом его был известный металлург, горный инженер и впоследствии губернатор Томска Павел Петрович Аносов. Но лавры Аносова-старшего не вдохновляли сына. С отцом у него были сложные отношения. Будущий искатель довольно презрительно относился к помпезности вокруг именитого папы, которого называл «златоустовском царьком». Находясь рядом с ним, Коля с раннего детства постигал изнанку и этикеты чиновничьего и горного миров. В записях Аносова-младшего сквозит явная ирония к светской жизни и ритуалам чиноподчинения. Он внимательно наблюдал за поведением взрослых, укладывая в себе картину мира и ее не тайные движущие силы. Все это напрямую повлияло на его судьбу и отношение к людям.

Свои воспоминания и путевые заметки Николай перенес в мемуары в 1880 году, за десять лет до смерти, на даче в Павловске. Удивительно и непросто складывалась его судьба. Во время чтения дневника меня поразила личность автора и необычайный резонанс с его натурой самолюбивого и упорного искателя-одиночки. В 47 лет он был на пике успеха, и... одновременно полного разочарования в людях. Это был сложный человек, с удивительным равновесием между разумом, долгом и романтизмом, в душе которого странным образом переплелись эгоизм и готовность служить. Гордый и слишком ироничный, Николай нередко ставил себя выше окружающих, пренебрежительно отзываясь о людях, с которыми сталкивала жизнь. За эту черту характера его многие не любили. Зато преданность своей мечте оказалась безупречной – вся молодость Аносова легла на ее алтарь.

Автор обладал феноменальной памятью, поэтому отлично помнил, что с ним происходило не только в таежных изысканиях, но и в детстве. Амбициозность и лидерство будущего золотоискателя проявились ещё тогда – в семейных играх с братьями в солдаты он неизменно становился генералом. Коля обладал редким типом

психики, он лидер-интроверт. Такие люди не терпят подчинения и видят опору во внутреннем мире. Несмотря на упрямый характер, мальчик ценил безмятежную жизнь в семье. Однако Судьба вырвала его из дома, заставив жить среди чужих. Двух старших сыновей, Сашу и Колю, отправили в Горный кадетский корпус. Это было жесткое решение отца, и в записках Николай назвал отъезд в казенный дом «отброшенностью от семьи». Будучи натурой замкнутой и чувствительной, он сильно переживал это, особенно отрыв от матери, которую очень любил. По субботам юных кадетов из Корпуса забирала к себе домой Елизавета Яковлевна Томилова. Здесь мы впервые видим упоминание о дружбе Аносовых с моим родом. Поэтому стоит уточнить, почему дневник Николая оказался в нашей семье.

Согласно генеалогическому дереву, мой род основали четыре старинных источника: русский боярин Томилов, лекарь Петра I итальянец Азаретти, австрийский промышленник Качка и голландский купец Лилааар. Так вот, двоюродный дед Николая, Андрей Яковлевич Качка, является потомком слившихся ветвей Лилааров и Качки. Коля часто навещал деда. Андрей умер в чине Тайного Советника Императорского двора, в год написания Аносовым мемуаров. Возможно, его старость и сподвигла внука взяться за перо, когда он понял, что надо успеть оставить о себе память не только в горных журналах... Качки – известная фамилия в горном деле, как и Томиловы, даже их дворянские гербы похожи. Андрей Качка – брат Е. Я. Томиловой, которая забирала к себе кадетов. Лиза была замужем за Николаем Павловичем Томиловым, отец которого, Павел Томилов, управлял Нерчинскими и Шилкинскими заводами еще в конце 18-ого века. А сын и мой прапрадед Александр Томилов приходится двоюродным дядей нашему герою. Свой дневник Николай не оставил детям, которые жили за границей. Он хотел, чтобы его история осталась в России. Мемуары получил Александр, который тоже вел свой дневник...

Житель провинции, юный Аносов был потрясен Петербургом. По его словам, он ошалел и сразу влюбился в город. Но первые годы в Корпусе дались гордой натуре нелегко. Коля недоедал и с трудом переносил муштру. Было немало придинок, ругани и «побоев от разных бурбонов», как в любом казённом доме. Спасала отдушина – непреодолимая страсть к творчеству и самовыражению. А каждую неделю он с нетерпением ожидал субботы, чтобы приехать в дом Томиловых. Мои предки были

добры и приветливы, однако Коля остро чувствовал, что это все-таки не родня. В Корпусе он тоже ни с кем не сошелся. И сам объясняет своё душевное одиночество: «...на сердце скреблось. С малолетства стал крепнуть мой характер, чувствуя себя всюду чужим, я стал уходить в себя. С каждым годом развивалась самостоятельность...» [Кн.1; л.11] Скорпион по рождению, он поедал сам себя. Но однажды Коля по просьбе матери зашел в гости к золотопромышленнику Федору Петровичу Соловьёву. Приятель отца неожиданно понравился молодому Аносову. Он «...встретил радушную, широкою натуру богача, в раззолоченых палатах». Наконец-то неприкаянный кадет нашёл место, где ему было интересно и комфортно! Люди, достигшие большого успеха, манили его. Федор, у которого был только сын Степан, тепло принял Аносова. Но Коля еще не знал, что гостит у человека, семью которого однажды обыграет в жестокой игре...

Шли годы, кадет неумолимо вырос и стал размышлять, а что его ждёт, когда он выйдет за ворота Корпуса горным инженером?... Будущее нагоняло тоску. Восемь лет учишься, и будь хоть первым, но ждёт тебя рутина, одинаковая для всех! Он пишет: «...карьера впереди плюгавенькая, узенькая. Пошлют тебя на заводы, и будешь там служить службой заурядной, потом женишься, пойдут детки, и будешь их высылать в Питер для обучения...» [Кн.1; л.14] Мы видим, как Аносов уже с юности бунтует против навязанной стези, и рисует круг без выхода, словно Сансару! А знакомство с Соловьёвым, напротив, красноречиво показало разницу в жизненном положении и свободе: «Не смирилась моя натура с этой вялой, хотя и прочной в отношении насущного хлеба карьерой. Клокотало в груди от избытка сил, и душа требовала чего-то иного!» [Кн.1; л.14] Амбициозному юноше стала откровенно мала навязанная отцом колея. И очень скоро Николай получает весть о его смерти... В 1851-ом году после бала в Тобольске, данного в его честь, губернатор Аносов оказался в плену снежного бурана. Он простудился и вскоре умер от тяжелого абсцесса легких. Теперь сыну предстояло самому строить свою судьбу. И, конечно же, в глубине души он мечтал превзойти отца, чтобы слава металлурга не довлела над ним.

Поняв, что впереди ничего хорошего не ждет, учиться умный Коля решил средне, не напрягаясь. После выпуска ему предстояло ехать на Алтайские заводы, или, как он иронично выразился, «на родные пепелища». Но Судьба вдруг делает уникальное

предложение. На сцену вновь выходит Федор Соловьёв, питавший искреннюю симпатию к кадету. И ведет с ним длинный разговор, который полностью меняет его дальнейшую жизнь. В речи Федора впервые звучит имя графа Николая Муравьева, генерал-губернатора Восточной Сибири. Коля потрясен новой возможной карьерой! Федор, как и обещал, похлопотал за него, а Муравьев, знавший его отца, принял отечески. После собеседования он производит Аносова в офицеры, с назначением на Восток... Можно себе представить радость и восторг самолюбивого парня, который мечтал о жизни яркой и необычной! Честолюбивый ум и жажда романтики были направлены в нужное русло. После окончания учебы Николай остается в Петербурге, набираться опыта и дожидаться возвращения графа. Поселился он у Соловьева, что их окончательно подружило. И весьма кстати, потому что Аносов жил бедно, денег не хватало. Вот еще одна печаль, от которой он страдал и замыкался в себе, полностью погружаясь в работу, в то время как другие гуляли с девушками, кутили и отдавались вихрю молодой офицерской жизни... Слишком гордый и нетерпимый, товарищей он по-прежнему не заводил, предпочитая уединение. Только сильные, успешные и умные люди привлекали его внимание – он хотел быть похожим на них. Муравьев на всю жизнь остался его кумиром.

Наступил 1854-ый год. Граф отправляет Николая с поручением в Забайкалье, на Петровские заводы. Это первое серьёзное испытание самонадеянного юноши. Он должен не только проследить за постройкой парового двигателя, но и доставить с обозом тяжелую машину на реку Шилка в Нерчинский округ, где ее дожидался пароход. Путь лежал через Яблоновый хребет, сделав путешествие непростым. Аносов с честью выполнил поручение, впервые почувствовав красоту и сложность лесных передвижений. Прибыв на заводы, он осмотрел машину, раскритиковал инженерные расчёты, отливку металла и весь паровой двигатель, указав на его слабость. А главного инженера пренебрежительно назвал в дневнике «глупой башкой». Протеже Муравьева сразу не понравился инженерам и чиновникам, они косо смотрели на молодого столичного выскочку, которому всего 21 год! Но гость оказался не робкого десятка и принял вызов. Он вовсе не был фривольным романтиком, обладая острым и неленивым умом, в котором жили прозаические дальновидные планы. Аносов, по его словам, мечтал «о деловой деятельности». Трезвомыслящий, грамотный, с чувством

юмора, не обделенный талантами, при этом он был необычайно самовлюбленным, насмешливым, и слушал больше себя, закрывшись от людей броней самомнения. Люди, конечно, платили ему той же монетой. Такие, как Николай, имеют мало близких друзей, навсегда оставаясь одинокими душой и внутренне очень ранимыми. В Барнауле Коля навестил маму и сестер – единственных людей, с которыми он чувствовал себя счастливым. Но после смерти отца его женщины жили бедно. Он дал себе слово, что сделает все, чтобы родные жили в достатке.

Река Шилка стала поворотной в жизни Аносова. Через несколько дней пароход “Аргунь” уплывал в неизведанные дали, на границу с Китаем. Для Коли это означало конец сибирского поручения и возврат на заводы... Но он мечтал совсем о другом, и натура его взбунтовалась. Желание изменить Судьбу оказалось столь велико, что она устроила ему ещё одну важную встречу – с управляющим шилкинской гаванью Козакевичем. Это третий знаковый человек на его пути. Все решилось за чашкой чая и разговором по душам. Петру Васильевичу стало жаль сметливого поручика, который всеми фибрами жаждал действий и открытий... Козакевич переговорил с генерал-губернатором, и на следующий день происходит чудо. Аносова зачисляют на корабль «спопутным исследователем», как горного инженера! С этого момента начинается его жизнь таежного разведчика, и перед нами разворачивается начало настоящего приключенческого романа. Путь нашего героя окончательно сходит с заводской тропы, хотя полученные знания в дальнейшем очень пригодились. «Все горные были недовольны мной, за то, что я ехал на Амур!» [Кн.1; л.24] Однако чужая зависть уже не имела значения – радость самого Николая трудно описать...

1-ая Амурская военно-научная экспедиция сделала Аносова счастливым. Это была та жизнь, о которой он мечтал. Но, кроме таежных приключений, произошло событие, которое могло ее в корне изменить. В пути Муравьев предложил Николаю ехать на Камчатку в качестве горного чиновника, с весьма приличным окладом и повышением звания. Николай сразу же согласился, ведь выбора не было. Это стало узловым моментом Судьбы, и реализуйся эта вероятность – не видать нам Джалиндинских золотых приисков! Однако после раздумий он понял, что не хочет жить в такой глухомани, хотя отказываться нельзя – деньги уже получены! Возникла щекотливая ситуация. Все исправил, по выражению Николая, «слепой случай». Пока он гулял у

моря на Мариинском посту, из-за военной суеты, связанной с Англией, корабли с солдатами поспешно ушли на Камчатку, позабыв о нем. Я подозреваю, что он нарочно спрятался в порту. Муравьев был очень недоволен, а штабные потом подтрунивали: «...каков наш Коленька, всех провёл, и подъемные получил, и на Камчатку не поехал!» [Кн.1; л.25] Позже такие «слепые случаи» неоднократно корректировали судьбу Аносова.

В низовьях знаменитое путешествие потеряло прелесть. Помпезная экспедиция завершилась, и пионеры Амура небольшими партиями перебирались, кто как мог, на большую землю. Сначала плыли на шхуне в Аянский порт, оттуда верхом на Нелькан. Путь шел по горам и болотам, «...дорога была адская, изнуренные лошади еле двигались, 200 верст делали за 12 дней...» [Кн.1; л.48] Дальше по Нелькану на батах сплавлялись до Якутска. После этого Аносов с попутчиком шли полторы тысячи верст вверх по течению реки Лены, таща лодку на бечеве. В Иркутск Николай прибыл совершенно измотанный и оборванный, «похожий на каторжника». Однако этот опыт таежных переходов трудно переоценить, в дальнейшем он помог ему выживать. В городе Аносов получает орден Св. Анны – это была, по его словам, награда за мучения. Но кони Судьбы уже понеслись... Генерал-губернатор неожиданно вызывает героя Амура к себе, и настоятельно рекомендует ему посвятить себя золотому делу. Муравьев с ходу предлагает Николаю возглавить поисковую партию. Он столь ловко и красиво расписывает молодому офицеру богатства Сибирского края и удачные находки, что тот сдается силе убеждения своего кумира. Его назначают чиновником особых поручений с окладом 2000 руб. и велют готовиться к работе.

Вникая в новую грамоту, Николай пытался общаться с горными инженерами. Он просил советов, однако везде наталкивался «...на одну тьму и отзывы обескураживающие...» Новое назначение возбудило зависть и насмешки у бывалых поисковиков. Мы, старожилы, знаем край как пять пальцев, ничего не нашли, а тут Муравьев присылает какого-то выскочку! Лучшего вызова деятельной натуре Николая трудно было найти. Как он сам признается, силы буквально бурлили в нем, и не было никого лучше для свершения новых открытий. А Судьба, как нарочно, все больше отдаляла Аносова от людей. С глубокой иронией отнесся он к неудачливым нерчинцам, отмечая «...узкие взгляды и затаенную зависть коллег по горному цеху»,

и перестал общаться. В 1855-ом году, получив планы старых приисков, штейгеров и рабочих, после первых же разведок и проб Николай выносит стойкое убеждение, что «Чем больше и чем богаче золотая россыпь, тем легче ее найти, и чем она меньше, тем труднее ее найти». [Кн.1; л.27] Малое золото трудов не стоит – это стало главным постулатом в дальнейших поисках, и эта формула в итоге привела к успеху. Он знал, что получит награду только за крупную россыпь, поэтому бросил и думать о мелких месторождениях. Аносов приступил к своей уникальной системе поисков, делая один шурф в каждой долине, и довольно скоро на реке Бальдже было найдено золото. В итоге ум и знания вылились в новый чин и пенсию, а главное – в реноме инженера-золотоискателя!

Через год Николай получает от Муравьева новое задание – найти золото на Амуре. Но здесь начинаются противоречия. Искатель просит разрешения направиться в верховья Амура, в его горную часть. Однако ему велено отправляться в Приморье, в самые низовья реки. Николай подчиняется с большой неохотой. Собрав партию, с первой водой он идет вниз по Шилке. Но нет худа без добра! Еще в 1-ую Амурскую он примечал места и породы на реке, и теперь представилась возможность дополнить свои наблюдения. В Приморье разведка ничего не нашла. Аносов по-прежнему считал, что надо идти вглубь материка. Осенью 57-ого года он принимает непростое решение двигаться в Удский край. Козакевич, в ту пору уже губернатор Николаевска, выделил ему парусную шхуну “Камчадал”. В пути корабль попал в ужасный шторм и чуть не затонул. Николай был потрясен бушующей стихией и близким дыханием смерти, описывая «волны как горы». [Кн.1; л.31] Стоя на краю гибели, он даже забыл про свою гордыню, смирившись с Судьбой. И она оставила ему шанс.

В устье Уды золота не оказалось. Аносов поселился в Удском остроге и тосковал там до зимы. После Рождества, собрав партию, на оленях и собаках он выступил вверх по реке Май, начав «облаву». Но, как признается сам автор, не с целью найти золото – а с целью доказать, что его здесь нет! Скоро река была забракована, и в феврале 1958-ого командир решает перевалить в долину Зеи, где продолжает разведку. В апреле из Удска должен был подойти обоз с припасами, однако он исчез. Прошел еще месяц, и начался голод. Отряд не решался уходить в дальний путь без припасов. Начали закалывать оленей. «Команде давал сначала по 4 фунта, а себе при них же брал 2 ф.»

[Кн.1; л.34] Так Аносов держал субординацию. Единственного бунтовщика избил, и все успокоились – здесь мы видим в нашем интроверте неробкого командира, ситуация потребовала крепости духа. Всю его воспитанность как ветром сдуло! Единожды упустив власть, он уже не смог бы справиться с бунтом и разрушительной анархией в таборе. Неделя проходила за неделей, с 4-ех фунтов перешли на 2, потом на один (400 г). Ночью часть оленей украли бродячие тунгусы. На сопке рядом собирали съедобные корни, но шли дни, и команда совсем лишилась сил. Наконец, остался один олень и последний шанс: заготовить мясо и уплыть в сторону Амура по Зее, привязав себя к плоту, а там будь что будет! Но Судьбы были другие планы. Она не дала Николаю пойти на явное самоубийство в паводок, и на следующий день появился обоз. Уже второй – первый пропал без вести...

Огромный облавный круг по Сибири и Дальнему Востоку успеха не принес, зато принес знание. Теперь Аносов понимал, где нет богатых пластов, и набрался опыта. Его мечта о большом золоте крепла вместе с тяжелыми переходами. Но Муравьев не дал ему отдохнуть и немедля отправил обратно из Нерчинска на Зею, против воли. Состоялся неприятный разговор. Офицер умолял дать ему свободу в поиске, по собственным методикам. Однако граф уперся, прослышав про какие-то знаки. Всю зиму 1860-ого партия шурфовала окрестности, а летом вернулась ни с чем. Аносов долго шел по тайге один, злой, голодный, и сильно простудился, искупавшись в жару в горном ручье. Много дней тело ломало высокой температурой, и после этой болезни он на всю жизнь заработал приступы сильнейшей лихорадки. Осенью отряд пошел бечевой вверх по реке до Стретенска, везя умирающего командира. В селе его вынесли из лодки на руках. Позвав начальство, Николай передал все дела и казенные суммы, так как собрался умирать. Ему было всего 28 лет! Но он выжил. Приняв лошадиную дозу хины, смог прийти в себя и добраться до Иркутска. Муравьев, наконец, сжалился над скитальцем, пожаловав ему годовой отдых... Перенеся столько тягот и ударов, Аносов на мгновение обнажает читателю свою глубинную сущность: «Пословицу кто в море не бывал, тот Бога не видал, я прибавлю тоже и в отношении Сибирской Тайги. Да, там, среди трудов, среди невольных постов, человек более способен углубляться в самого себя. Мне приходилось молиться, и как еще! Мой внутренний голос твердил мне, что моя молитва среди пустыни прямо достигала назначения... Вспоминаю те

минуты, когда один с вожаком тунгусом заберусь на высокую гору, и усталый, прилягу на камень... И там смотрю на это необъятное пространство, смотрю на хребты гор, идущие один за одним в синюю даль. Следишь за облаками... и смотришь, и дивишься величию картины, осознавая собственное ничтожество, и невольно молишься – бессознательно и без слов...» [Кн.2; л.9]

Весь 1861-год, разъезжая по Европе, Николай строил планы. Сообразив, что ничего не добьется под руководством чиновников, пусть даже самых умных, он решает встать на самостоятельный путь. И просит у графа еще хотя бы 3 года, чтобы найти золото. А в случае проигрыша обещает вернуться на казенную службу. Муравьев-Амурский дает согласие! Теперь инвесторов придется искать самому. Однако это устраивало разведчика. Получив большой таежный опыт, и заведя в крае полезные знакомства, он был уверен в успехе. Но нужно уложиться в тысячу дней тяжелых трудов. Удивительно, что все перенесенные трудности и лишения он считал лучшими годами жизни: «.../за/ семь лет службы в дикой тайге я испытал, конечно, больше, чем все мои товарищи, составляющие в блистательное время Штаб графа Муравьева-Амурского, я безгранично полюбил эту страну и даже бескорыстно... Многие полюбили ее за то, что она быстро давала чины и кресты. Я же получил несравненно меньше всех, но любил ее более других, в особенности Амурскую страну, называя ее второй родиной. Итак, даже среди суеты Парижской жизни, я задумался об Амурской стране, о снова предстоящей там трудной деятельности, а воображение рисовало успех, пользу и известность...» [Кн.2; л.1]

Успех, польза и известность – это заклинание стало флагом его дальнейшего пути. Только умная, упрямая и гордая натура может реализовать яркую мечту. Да, эгоистичная и самолюбивая. Но без блистающей вершины успеха Николай не подписался бы на такие труды. Осенью он возвращается в Россию, полный планов и надежд... После долгих уговоров новый проект соглашается финансировать Дмитрий Егорович Бенардаки, крупный российский промышленник. Николаю назначают жалование и попудные, в случае успеха. Зимой 1862-ого года Аносов «...вылетел из Петербурга свободный, как птица». Радость свободы была омрачена лишь известием о новом браке матери. Отважный разведчик рыдал, узнав об этом. Как и всякий эгоист, он ни с кем не мог делить любимых людей... Тем не менее, новая жизнь началась.

Приехав в Иркутск, Николай заручается поддержкой Корсакова, который заменил на посту Муравьева-Амурского. С Михаилом, тогда еще офицером при Штабе, он дружил с 1-ой Амурской, очень уважал его и дорожил отношениями. Они идут на заседание сибирского отдела Императорского Географического общества, слушать доклад об экспедиции в приморские Южные Порты. Русские привозили отсюда купленное у китайцев золото. Это означало, что оно там где-то есть. Но вдруг его давно выкопали? Ведь из доклада следовало, что в древности этот район занимало Сучанское царство. Однако картограф экспедиции, полковник К.Ф. Будогосский, лично заверил Николая, что в тех краях почти не ступала нога человека... В 1862-ом, прибыв в Нерчинск, искатель приступает к снаряжению первой самостоятельной партии. Путь лежал по Шилке и Амуру до Хабаровска, и дальше вверх по реке Уссури. Партия долго шла через непроходимую тайгу, в полную неизвестность. С усмешкой называя свою цель “Эльдорадо”, Аносов с самого начала сомневался в успехе похода. Он не поверил полковнику. Добравшись до хребта Сихотэ-Алинь, и с трудом перевалив его, отряд спустился к морю и приступил к разведке рек. Однако их ждал полный провал. Как оказалось, тысячи китайских рабочих давно выгребли все золото с побережья! Аносов мог вернуться в Иркутск, но не смел. Осталось всего два года, чтобы решить свою судьбу... «Когда же я добьюсь цели? Один Бог знает...» – в отчаянии пишет он.

Николай, наконец, понимает, что больше не должен никого слушать. Он распродает лошадей и уплывает с рабочими к подножью малого Хингана. И целых полтора года, с зимы 63-ого, проводит в тайных разведках восточных отрогов Яблонового хребта, на север от Албазина, между реками Ольдой и Ур. Никто не знает, где он ходит. Разрешение искать золото на Амуре еще не получено, но к лету 1864-ого на карте походов Аносова уже заштрихованы все места, где золота нет, и теперь он точно знает, где его надо искать. Однако он специально возвращается под Хинган, чтобы сбить с толку возможных конкурентов, назвав это «маскировкой дела». Пусть считают его неудачником! Истинное же место мечты не знал никто. Зимой 65-ого он уезжает в Благовещенск, ждать денег от Бенардаки. Однако ни писем из Петербурга, ни денег не поступает. Проходит месяц за месяцем, и Аносова охватывает глубокое отчаяние. Он понимает, что инвестор его бросил, возможно, из-за неудачи в Приморье. Это был

критический момент в судьбе, когда он был готов все бросить и уехать, но не позволяла гордость. Он пробует закончить дело «домашними средствами», одолжив денег у старых знакомых, с миру по нитке. И становится одержим идеей обязательно найти золото, открыть прииск и доказать Бенардаки, что тот поступил с ним «неосмотрительно и жестоко». Это был первый удар, который нанес ему Дмитрий Егорович. Аносов сильно обиделся на компаньона: «...мое воображение ярко рисовало мне картину, как я вернусь в Питер золотопромышленником, и как буду колотить им глаза...» [Кн.2; л.22] Отсутствие писем из Питера он считал теперь добрым знаком: «Вероятно, Судьба хочет, чтобы я стал полным хозяином богатства, к чему же /.../ идти против рока?» [Кн.2; л.22-23] Чтобы продолжить дело, Николай делает серьезный заем, закупает оленей, юрту, вьюки, и зимой вновь устремляется на север, к рекам Ольдой и Монголи, где год назад им были найдены знаки золота. А весной с почтой приходит неожиданная новость. После 4-ех летнего молчания проснулся Петербург! «Разрешения еще нет, скоро будет, как выйдет – вышлем деньги. Партии держать наготове, и заявлять по 4-ем доверенностям. Бенардаки.» [Кн.2; л.24] ...Опешивший Аносов, тем не менее, решает снова действовать в интересах Компании, «забыв мучения и злобу». Он не простил Бенардаки, хотя внешне это не помешало деловым отношениям. Получив поддержку, Николай выписывает с Нерчинских заводов хорошего штейгера Тетерина, которого знал раньше и которому доверял. Все было готово, чтобы исполнить великую мечту.

Однако летом к Ольдою, тремя большими отрядами на 70-и лошадях, выдвинулась партия Соловьева! Не того радушного богача Федора, который с кадетства обласкал и принял Колю дорогим гостем в дом. Он уже умер, и партии принадлежали сыну Степану. Конечно, Аносов был обязан семейству, от которого видел только хорошее. Однако он понимает, что старой дружбе конец. Все годы мучений, все тайные планы и амбициозные мечты оказались под угрозой. И магическое заклинание «успех, польза и известность» пересилило благодарность. Он прикладывает все свои умения, чтобы обыграть конкурента. Здесь видно, что Николай поступил как эгоист, но разумный тактик. Аносов с Тетериным решают, как задержать партии противника на пути к Ольдою. В итоге разыграли спектакль: штейгер с казаками, надев форменные шинели, поскакали к соловьевцам и объявили, что сами Кабинетские, и запрещают чужакам

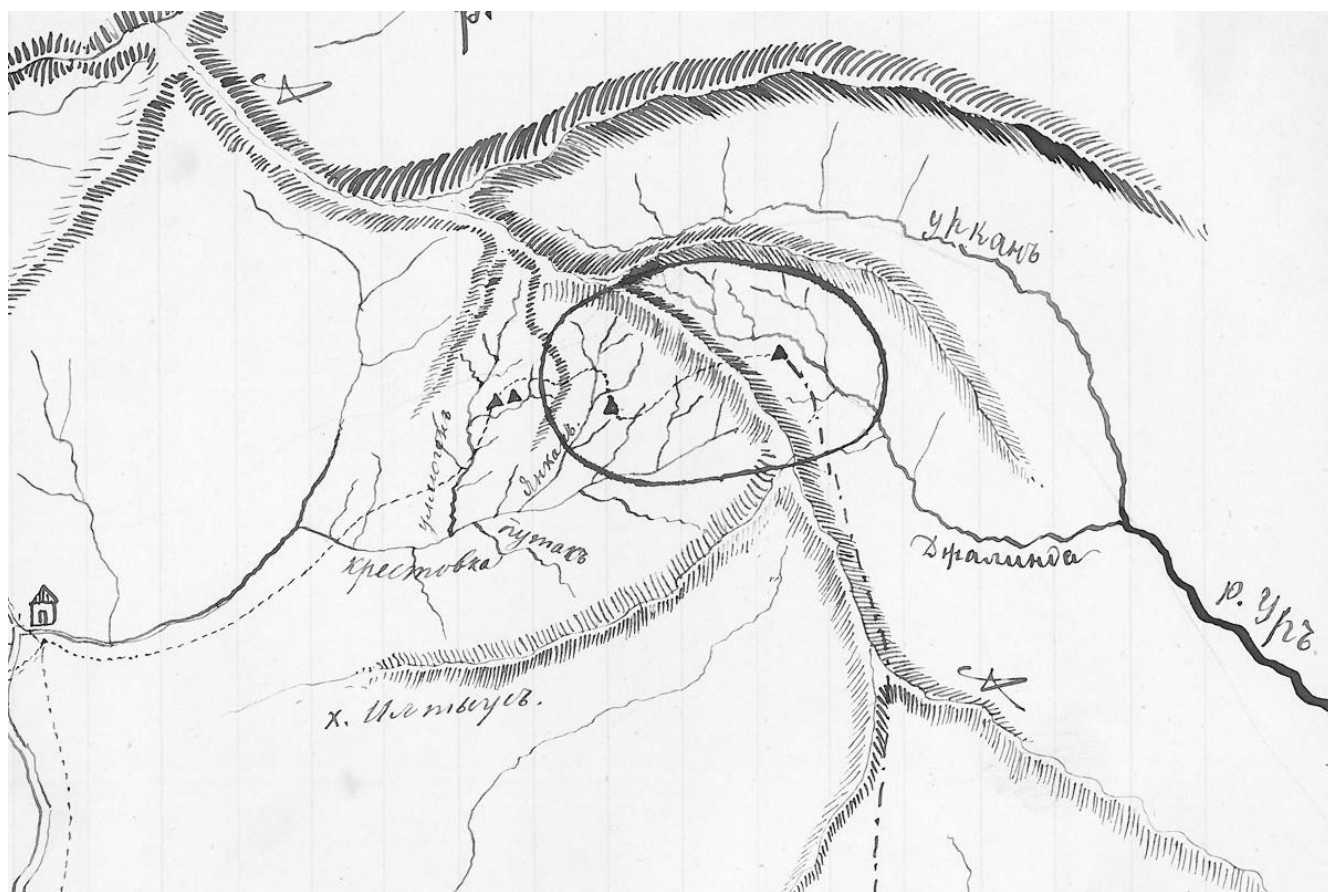
искать здесь золото, поскольку разрешения еще нет! Опешившие приказчики отступили. Позже они переругались, партии разошлись и блуждали по тайге до самой зимы. А узнав об обмане, пообещали отомстить... Так Николай нажил себе еще врагов, но получил большую фору во времени. Кроме того, он поставил на пути соперника две маскировочные партии с бутафорскими раскопками на реках Сивагли и Монголи, назвав это «маневрами в маленькой войне». И еще применял разные хитрости, для обмана мощных конкурентов, которых боялся, как огня. В итоге «неприятель» попал во все построенные ловушки. Заповедные места береглись пуще глаза!

Наступил 12-ый год службы в Сибири. В январе 66-ого Николай подробно инструктирует и тайно отправляет Тетерина с передовым отрядом на лучших оленях к реке Джалинда, а сам занимается припасами и снаряжением, «...чтобы раз выступивши, прекратить всякие сношения с Амуром, и для всех совершенно исчезнуть...» [Кн.2; л.26] Предстояло прожить несколько месяцев в горах. «Если мне не помешают посторонние партии, я его /золота/ доищусь» – пишет автор. Но этого мало. «...надобно, чтоб его было много, и чтоб оно было богато!» [Кн.2; л.39] Закончив дела, Николай отправляется на реку Крестовка, ломая голову, как с малым числом людей обследовать все нужные долины. В отряде начались болезни, и рабочих осталось несколько человек. К счастью, нанятые тунгусы помогли составить карту рек и хребтов. Он понимал, что это его последний шанс на реабилитацию, как инженера-золотоискателя: «Мне уже становилось жалко самого себя. Всегда нравственно и физически избитый, то от мыслей о неудачах, то от тяжести переходов, я не знал покоя. Морозы, глубокий снег – ничто не останавливало меня на пути к цели. Ночевки в лесу, на снегу, под открытым небом, не казались мне особенностью. Надежда согревала меня, а сигара успокаивала меня. /.../ Эта попытка была последняя, пан или пропал, она должна окончательно выразить степень достоинства моих богатств, оставшихся пока в теории.» [Кн.2; л.27 об.]

Судьба вознаградила стратегию и труды Аносова. Настал великий день, когда промывка песков показала крупные золотины. От счастья командир чуть не лишился сознания: «Моя радость была велика, сердце билось сильно. /.../ Сняв шапку, я перекрестился...» [Кн.2; л.35] «Весь я был взволнован и перерожден. Радость и тяжелые воспоминания стеснили мне душу!» [Кн.2; л.43] Он объявляет команде, что

тяжкие переходы закончены. Полученные знаки делали его обладателем золотой площади в несколько верст! Осталось лишь точно определить протяженность и качество пласта, и идти на Джалинду к Тетерину, действия которого он курировал через вестового тунгуса. «...Я вполне был теперь уверен, что золото пропало в мои лапы, но в которой речке его главное скопление, оставалось пока неизвестным... да в какую же сторону ты дал главную струю золота, сердцу милый Голец? *(имеется в виду двуглавая вершина Янкана – прим. мое)* Ах, почему у меня нет воздушного шара! Мигом бы поднялся, и с высоты сразу бы угадал главную долину...» [Кн.2; л.36 об.] «И вместе с тем я сознавал, что вполне достиг своей цели... Что-то возвышенное, высокое овладело мною, /.../ и ни одна радость впоследствии не производила на меня ничего подобного! Дикий Амурский край отдает золотые богатства и начнет расти. И я – ничтожная причина этому, из бедного человека становлюсь обеспеченным!» [Кн.2; л.43 об.] Однако эйфорию Аносова чуть не сорвал голод, снова не пришел обоз с припасами. Золото под ногами, а есть нечего! Начали резать оленей, назревал саботаж. Николай день за днем уговаривал рабочих подождать, боясь, что в долину нагрянут конкуренты. Спасает дело опять «слепой случай» – сильнейший приступ лихорадки. От стресса командир сваливается в горячке, и этого запасного дня хватает, чтобы дожидаться обоза. Они столбят явками все, что можно. После трех месяцев тяжелой работы отряд уходит на последний перевал, в «землю обетованную» – к Тетерину, на Джалинду. Кругом обозначено место, где было найдено большое золото:

иллюстрация 1 – карта

Вернувшись в цивилизацию, Николай срочно едет к Корсакову, ставшему генерал-губернатором Амура, и получает разрешение на принятие отводов по всей ширине Джалинды. Это полная победа! Однако его волнует, что в Петербурге не знают об истинном положении дел. Нужно найти знающего человека, который доложит Компании реальную ценность и перспективы открытия. И Судьба вновь дарит «слепой случай»... На пристани Николай неожиданно встречает невысокого человека с бородкой, по фамилии фон Дамич, который представляется доверенным Бенардаки. Николай слышал, что барон его терпеть не может и везде ругает, но выбора не было. Он пригласил его в дом, уверяя, что нуждается в советах, сыпал комплиментами и уговаривал, чтобы Алексей съездил оценить шурфы и ширину отводов Джалинды. Барон обрадовался предложению. Он не знал, какую игру повел Аносов, а сам Николай не предполагал, чем закончится роковая встреча. Через несколько дней Дамич вернулся. Заверка проб показала, что они очень высоки, гость был в полном восторге. Николай обнадежил, что Бенардаки сделает его Управляющим приисков. Тем более что Алексей Фердинандович, как оказалось, имел родственные связи с инвестором. Сам Аносов охарактеризовал барона конкретно: «Гордость, зависть и

бестолковость, /.../ можно прибавить и неблагодарность.» [Кн.2; л.57 об.] Он чувствовал к нему сильную неприязнь, но ради дела пришлось потерпеть.

...Наконец, пришел пароход с генерал-губернатором Корсаковым и его Штабом. Аносов описывает эту встречу, как пик своих желаний и признание своих заслуг. При виде приближающегося судна он понимает, что достиг своей вершины Судьбы, и может отправляться на покой, пожиная плоды тяжелых трудов в виде попудных. Он благодарит Михаила за его помощь, а Корсаков уступает ему свою каюту, показывая, насколько ценит друга. Позже Николай просит всех спуститься в общую каюту, где становится центром внимания. Вот он, миг славы! На подносе, покрытым голубым атласом, он подносит генерал-губернатору в дар несколько пригоршней золота. Потом обед, шампанское, задравные речи Штаба... Этот день торжества гордая натура Аносова ждала всю жизнь. Он возвращается с победой в Петербург. Поставлено 10 приисков, первое Амурское золотое дело пущено в ход! Все верные помощники и приказчики, включая Тетерина, получили премии или попудные, из его собственных средств. Но потом начались проблемы. Отказавшись от оклада, Николай жил скромно, в ожидании дохода. Долги и проценты росли, и он едва поправил дела лишь в 68-ом году, когда было намыто первое золото. Честно заработанные попудные компаньоны пытались ему предоставить не как собственность, а как награду. Прижимали, где могли, потому что официально срок контракта истек. Это ужасно задевало Николая, но он не пал духом, продолжая воевать за свое дело. В итоге Компания подписала Акт на 400 рублей с пуда, даже не подозревая, что с приисков будут добывать по 100 пудов. Иначе никогда бы не рассталась с такой суммой.

...Здесь я хочу сделать отступление и спросить – а что же произошло с обманутым хитрыми маневрами соперником, Степаном Соловьевым? Как он пережил неудачу на Амуре? Ведь он вложил денег в свои партии больше, чем Бенардаки, и надеялся на верный доход. Но в год, когда Аносов с триумфом возвращается в столицу, Степан Федорович... умирает. Возможно, этот провал стал для него ударом. Хотел ли этого Николай? Полагаю, он даже не думал о судьбе конкурента. Но скоро и сам Аносов почувствует, каково это – быть обманутым. А главный Васильевский прииск однажды забудут, и появится процветающий Соловьевский. Еще одна насмешка Судьбы!...

Тем временем в Петербург возвращается Дамич, который ни с кем не ужился на Амуре. Он ходил мрачный, с Николаем старался не общаться, но о чем-то все время шептался с Бенардаки. Аносов не обращал на это внимания, так как всю готовился к свадьбе, встретив девушку своих романтических грез, дочь адмирала Софью Панфилову. Но полностью отдался заслуженному счастью не удалось. Его приглашают на заседание к Бенардаки, где должен решиться вопрос о награждении Дамича за труды. Там собрались все, включая В.С. Каншина и И.А. Иконникова. Аносов считал, что Алексей достоин оплаты за небольшие труды в Сибири, а так же попудных с 11-ого прииска. Каково же было его изумление, когда Дамич повел дерзкую речь, заявив, что ему не награда положена, а доход по справедливости, так как все вершины заняты по его указанию, и если бы не он, все бы досталось чужим партиям. Что Аносов ничего не понимал, жил себе в станице припеваючи, а он спасал дело! Николай потерял дар речи... Он пишет: «Я был поражен его наглостью, а когда опомнился и посмотрел на всех, то увидел на лицах довольство...» [Кн.2; л.61 об.] Дамич продолжал неистово врать, что инженер вовсе не умел управляться с делами, и вообще загреб жар чужими руками, ведь золото на самом деле нашли тунгусы. И если бы не он, то все бы пропало! Аносов в ярости: «Я стою, судорожно держу стул, думаю бросить в эту каналью стулом. А скандал, а невеста, и что мне делать с этим барином?...» [Кн.2; л.61 об.] Наконец, выступил Бенардаки: «Послушай, Николай Павлович! По всей справедливости, ты должен уступить Дамичу половину попудных со всех вершин Джалинды, и мы здесь все того же мнения.» [Кн.2; л.62] С трудом сдерживаясь от гнева, Аносов заявил, что не отдаст ни копейки. Ведь Дамич никак не мог работать на открытии приисков, он вообще плыл по Амуре транзитом, а готовые шурфы видел всего один день, исполняя просьбу о заверке!

...Несмотря на логичную защиту, Николай терпит фиаско, его доход урезают в 2 раза. Вот и второй удар от Бенардаки. Компания не смогла смириться с тем, что он один будет «даром» получать 40 000 рублей в год. Возможно, Дамич заранее договорился с компаньонами, что отдаст им часть попудных, отбитых у Аносова. Заявив, что требует следствия и назначения допроса на месте разработок, Николай уходит с заседания в бешенстве и недоумении... Позже законное следствие по делу провели в пользу истца. Однако все сделали втайне, и ему даже не сообщили о результатах, потому что

они шли вразрез с решением Бенардаки. Николай узнал об этом спустя много лет – получается, его обманули дважды. Продолжая поддерживать деловые отношения со старыми партнерами, он уже никогда не простил их в глубине души: «Никто из них не подумал, какую /страшную/ рану тогда нанесли Аносову. Да, читатель, вот тот венец, который возложила на меня благодарная Компания. И эта сцена глубоко врезалась в мою душу, и теперь, /когда/ прошло много лет, она порой восстает передо мной и леденит мою душу... Пять лет ужасного труда, наконец, открытие, созданное на собственные средства, и все сполна передается в Компанию. Золото обеспечивает многочисленную родню Бенардаки и Каншина, и вот – благодарность!...» [Кн.2; л.62 об.]

Но самый большой удар наносят близкие люди. Когда дело запустилось, теперь все просили у него денег. Автор с горечью пишет, что его «...много трепала родня, в особенности братец Павел Павлович». Павел, служивший в Николаевске в должности вице-губернатора, вел весьма разгульный образ жизни. Кроме оклада, он получал от Николая еще и содержание, из его собственных доходов. Но на сладкую жизнь не хватало: «...месячное жалование улетучивалось за 2-3 дня среди карт и французенок...» [Кн.2; л.66] Заядлый игрок, Павел стал старшиной игорного карточного клуба. Он был ярким, увлекающимся и всеми любимым, словно антипод своего замкнутого и упорного в трудах брата. И постоянно делал долги, которые оплачивал Николай. В итоге подачки окончательно его развратили. «Пожелав сделать добро, истратив много денег, я нажил в брате Павле врага, который многое мне повредил, и в /неразборчиво/, и в делах...» [Кн.2; л.66] Из долговой ямы Николай не вылез даже за десять лет, к моменту написания мемуаров. Видно, как он кипит обидой и отчаяньем, описывая «первое звено удушливой цепи», которая «обвила его денежное состояние, чуть не пустив по миру». Недалекий ум Павла, как инженера, загубил и хороший проект, обещающий новое золото на Амуре, вместо прибыли принеся Компании, созданной Аносовым, 500 000 р. убытка! Ему пришлось вновь рисковать, выкупив партии и послав их в разведку с В.Н. Набоковым, открывшим Ниманское месторождение. С Набоковым тоже вышло не все гладко... Вконец разочарованный в людях золота, Николай восклицает: «Ах, народец!... И я постепенно стал от них удаляться... и удаляться...» [Кн.2; л.63]

Славный путь и великие труды не принесли Аносову душевного блага. Вместе с успехом и деньгами, словно обратная сторона золотой медали, пришли долги, неблагодарность, зависть и предательство. Судьба привела его к цели, но люди не признали годы тяжелых таежных испытаний, сочтя находку обычной удачей, случайным призом Судьбы! Это стало нокаутом для гордой натуры Николая: «Читатель, конечно, из моих потомков, ты хочешь знать цель моих записей, вот она: когда я был в Сибири среди гор, окруженный приказчиками и командой, которые меня обожали, мне дышалось легко. Я осознавал, что свято исполняю свой долг, и всеми забытый, неустанно трудился, непреклонно следуя по раз избранному пути. Я не знал тогда света и людской зависти. Когда долгожданный труд мой увенчался успехом, зависть и ядовитость назвали меня счастливецом, но отняли мою заслугу – труд и знание.» [Кн.2; л.39 об.] Безутешный Аносов пишет подробную историю своих изысканий для детей и внуков, чтобы они знали правду. Но... не оставляет им свою боль. «Всегда один, и никого близкого!...» [Кн.2; л.11] – отчаянный крик навсегда одинокой души канул во Времени.

Гаврина Ася Васильевна,

Межрегиональная научно-практическая конференция «Аносовские чтения» п. Соловьевск, Амурская обл. 2020 г.

Библиография

Личные архивы. Дневник Н.П. Аносова (1880 г), рукопись (книги 1,2).